

Кривоусова З.Г. «Лёля и Минька» М. Зощенко как художественное целое. - URL: https://vk.com/doc288907438_643855740?hash=GHy5KFWyH5ud0aTzECBsTASiuz2rT1TYowEnevE8koP&dl=u9rNtz8hB5ez7pn4lezZZQgnUAtS0all6Lzvylt5FIL

З.Г. Кривоусова
«ЛЁЛЯ И МИНЬКА» М. ЗОЩЕНКО
КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Рассказы, вошедшие в цикл «Лёля и Минька», М. Зощенко написал во второй половине 1930-х годов. Поводом к работе послужило предложение С.Я. Маршака, руководившего в то время Ленинградским отделением Детиздата. Как и во многих других случаях, Маршак безошибочно определил способность писателя работать в детской литературе. Звучащий в рассказах Зощенко для взрослых призыв к воспитанию в людях человеческого достоинства, не превращающий «прямо преподносимую мораль в чёрствое, сухое, несъедобное назидание, и побудил Маршака предложить Зощенко взяться за рассказы для детей. Задача, поставленная перед писателем – создать для детей рассказы поучительные, но не нудные – была поставлена верно: она совпадала с собственной любовью, с собственными возможностями М. Зощенко» [1, с. 269].

В общей сложности писатель создал восемь рассказов, сквозными героями которых являются брат и сестра. В 1946 году эти небольшие произведения были опубликованы как цикл под общим названием «Лёля и Минька». Автор расположил их в определённой последовательности: «Не надо врать», «Галоши и мороженое», «Бабушкин подарок», «Тридцать лет спустя», «Находка», «Ёлка», «Великие путешественники», «Золотые слова».

Позже редакторы изменили этот порядок, руководствуясь, вероятно, хронологическим принципом. На первое место был поставлен рассказ «Ёлка», в котором герою пять лет, в результате чего одним из циклообразующих элементов стало взросление Миньки. На наш взгляд, такое построение не отвечает авторскому замыслу. Сам выбор цикла как «объединения нескольких

самостоятельных произведений в особое целостное единство» [2, с. 190] освобождает писателя от необходимости последовательного изображения жизни героя. Поскольку возрастной принцип не является в данном случае определяющим, мы обратимся к авторской версии.

Рассматривая цикл «Лёля и Минька» как идейное и художественное единство, целесообразно рассмотреть его заглавие, представляющее читателю двух главных персонажей всех рассказов: старшую сестру Лёлю и младшего брата Миньку. «В центре два протагониста (ведущих лица), это рассказчик – невинное, доверчивое дитя, и его сестра Лёля – орудие дьявола, если только он когда-либо существовал. <...> Почти всегда она – сознательный подстрекатель к бесчинствам, творимым в этих историях, а Минька – её послушный ученик и сообщник» [3, с. 321].

Кроме них, в рассказах присутствуют родители, положение которых тоже изначально определено. Мама – защитница детей не только от посторонних, но и от папы, выступающего своеобразным воплощением высшей кары, сурового, но справедливого наказания. Появляющаяся в некоторых историях бабушка, любящая Миньку больше Лёли, является эпизодическим персонажем и не оказывает существенного влияния на развитие событий.

Все истории изложены от лица повзрослевшего Миньки. В произведениях доминирует его взгляд на события, поэтому и порядок следования имён в названии цикла характеризует в первую очередь рассказчика. Так, ещё до знакомства с содержанием текстов можно предположить, что брат младше сестры и что он признаёт её лидерство. «Лёля» – имя неофициальное, домашнее, но оно звучит более взросло по сравнению с уменьшительно-пренебрежительным «Минька», то есть расстановка персонажей происходит уже в заглавии.

Представляется важным и то, что «я»-рассказчик, от чьего лица ведётся повествование, в названиях рассказов не проявляется. В названии же цикла он обозначен не как «я», а как «Минька», что подчёркивает дистанцированность взрослого героя от себя в детстве.

В первом рассказе – «Не надо врать» – именно опытная сестра ненавязчиво подсказывает неискушённому брату, как можно избавиться от единицы в дневнике.

«Лёля сказала:

– Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своём дневнике, там, где у неё была единица». Её папа пощипал пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было» [4, с. 87]. Оправданием неблагоприятного поступка служит убедительная оговорка: « – Это не будет враньё, если мы временно (здесь и далее в цитатах из текста курсив наш. – З.К.) заклеим страницу» [4, с. 88].

Второй рассказ – «Калоши и мороженое» – подтверждает роль Лёли в цикле. Именно она решает продать тряпичнику чужую новую калошу, но не делает это сама, а толкает на преступление брата: « – Минька, на этот раз ты продавай галошу. Ты мужчина, и ты с тряпичником разговаривай» [4, с. 92]. А после неудачного торга командует: «Минька, побеги на дачу и принеси из прихожей ещё одну калошу» [4, с. 93]. При этом у брата не возникает сомнений в правоте сестры, он безоговорочно ей подчиняется.

В «Ёлке» именно Лёля предлагает Миньке нарушить запрет: сначала до времени войти в комнату, где стоит ёлка, а затем – съесть по одной пастилке. В этом рассказе наиболее остро чувствуется отношение героя к сестре и его детское желание переложить на неё всю ответственность за совместный проступок. Автор передаёт осознаваемое взрослым рассказчиком стремление ребёнка оправдать себя, обвинив другого.

Бывший Минька, повествуя о давних событиях, заново переживает их, давая понять, что хотя разница в возрасте у них с Лёлей всего два года, его сестра – старшая, взрослая, а он – маленький, поэтому на нём лежит и меньшая ответственность за содеянное.

Мастерство Зощенко проявляется в упоминании мелких деталей и вроде бы несущественных подробностей. Так, характеризуя Лёлю, Минька отмечает,

что она была «очень смелая, бойкая девочка, <...> очень высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим *большим ртом* стала поедать вторую пастилку.

А я был *удивительно маленького роста*. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко» [4, с. 112].

Минька, по его словам, откусывает «*маленький кусочек* яблока», потом ещё «*немножко*», затем «*своими худенькими ручонками*» тянет к ёлке стул; обращаясь к сестре, он называет её *Лёлища*, подчёркивая разницу между ними. В разговоре с мамой маленький и наивный герой, однако, умело отводит от себя обвинения: « – Это Лёля меня научила», – эксплуатируя уже сложившееся не только у родителей, но и у читателей распределение ролей.

Читатель видит девочку глазами Миньки: она старше, хитрее и должна отвечать за совместные проделки в большей степени, нежели младший брат, представляющийся простодушной и доверчивой жертвой козней сестры. Однако если соотнести эти роли с содержанием каждого из рассказов, станет ясно, что Лёля выступает как соблазнительница лишь в трёх названных выше произведениях. В остальных же пяти она скорее оказывается в страдательном положении.

В рассказах «Бабушкин подарок», «Через тридцать лет», «Великие путешественники» и «Золотые слова» Лёля – скорее жертва. Особенно откровенно это проявляется в первых двух из названных произведений. «Я»-рассказчик даёт понять, что *тогда, когда был маленьким* (курсив наш. – З.К.), он не осознавал своего недостойного поведения по отношению к сестре, как не понимал и мотивов её поступков. В этих историях особенно ощутима интонация воспоминания, голос взрослого человека звучит отчётливее, а мораль – откровеннее.

Цикл открывается рассказом, в название которого вынесено прямое поучение: «Не надо врать». Чёткая формулировка задаёт тон всему повествованию и определяет доминирование в стиле разговорного слова. Далее

следуют произведения с предметными заглавиями: «Галоши и мороженое» и «Бабушкин подарок». Первый из них привлекает читателя парадоксальностью объединённых в нём вещей, второй – неопределённостью: что именно скрывается за словом «подарок». Неожиданное заглавие четвёртого рассказа («Через тридцать лет») подчёркивает, что повествование идёт от лица взрослого человека, вспоминающего важные и потому запомнившиеся на всю жизнь события из детства. Названия «Находка» и «Ёлка» вновь обращают читателя к предметному миру, причём первое опять не прояснено, а второе вполне определённо. В следующем заглавии – «Великие путешественники» – читатель, уже знакомый с братом и сестрой, чувствует явную иронию. Цикл логически завершается названием «Золотые слова».

Будучи уже взрослым, герой заново проходит путь постижения моральных правил. Первое, самое элементарное, выражено в императивной форме («не надо врать»), «и мораль при всей своей подчёркнутости, не звучит как нечто инородное – она глубоко органична и естественна» [5, с. 208]. В дальнейшем уроки жизни усложняются. Важными становятся уже не только поучения отца, но и рассуждения повзрослевшего Миньки, а также и выводы самого читателя.

Так, в рассказе «Через тридцать лет» Минька вспоминает, как в детстве «не мог удержаться от смеха», когда папа строго наказал Лёлю за попытку обмана. «За все эти годы, – признаётся он, – я ни разу не вспомнил об этом случае.

И только недавно, когда я стал писать эти рассказы, я припомнил всё, что было. И стал об этом думать. И мне показалось, что Лёля обманула родителей не для того, чтобы получить подарки, которые она и без того имела, а для чего-то другого» [4, с. 104].

Поездка к сестре, которая стала взрослой «и даже уже немножко старой женщиной», и её признание, что она всего лишь хотела, чтобы её «все любили и жалели, хотя бы как больную», приводят рассказчика к мысли, что «надо любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие. И надо дарить им иногда какие-нибудь подарки. И тогда у тех, кто дарит, и у тех, кто получает,

становится прекрасно на душе» [4, с. 105]. Размышляя о морали рассказов Зощенко, Л. Чуковская объясняет её действенность тем, что «что она естественно вытекает из всего сказанного <...>, что она произнесена живым человеческим голосом, в котором звучат и грусть, и раскаяние, и насмешка над самим собой. Это голос человека скромного, делящегося с детьми трудной историей своей души, а не чванного ханжи, милостиво жалующего им на бедность очередное назидание от избытка собственной безупречности» [1, с. 271].

В «Находке», как и в предыдущей истории, выступающий резонёром отец не провозглашает очередное поучение, мотивируя это тем, что дети вырастут и сами поймут, почему нельзя смеяться над обманутым прохожим. Слова отца сбываются через двенадцать лет, когда повзрослевший герой попадает точно в такую же ситуацию и вспоминает «давно забытую сценку» из детской жизни. Из пережитой им самим ситуации восемнадцатилетний Минька извлекает неожиданный урок, которым делится с читателями: «Ребята! Всё проходит в жизни. Прошли и эти два дня» [4, с. 110]. Герой понимает не только то, что поступки человека возвращаются к нему, но и то, что не надо отчаиваться, даже если ситуация кажется безвыходной. Настоящая находка – это не обманный кошелек, подкинутый детьми, а сделанный рассказчиком вывод из случившегося.

Отцовские уроки адекватны проступкам: за жадность и неуважение к гостям Лёля и Минька лишены новогодних подарков («Ёлка»), но за «кругосветное путешествие» («Великие путешественники») папа детей не наказывает, а лишь объясняет: «Чтобы идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать всё, что там преподают, включая космографию» [4, с. 123]. Для отца важно не наказание как таковое, а вывод, который сделают дети: всему в жизни надо учиться, потому что даже кажущееся очень лёгким дело требует определённых знаний и навыков.

Заключительный рассказ «Золотые слова», будучи самостоятельной историей с вытекающим из неё поучением, в то же время подводит итог всему циклу. Анализируя поведение детей за столом, отец поясняет: «Конечно, с одной стороны, хорошо, что они беспрекословно исполняют приказания. Надо и впредь так же поступать – исполнять приказания и придерживаться правил, которые существуют. Но всё это надо делать с умом. <...> Всё надо делать с учётом изменившейся обстановки. И эти слова вам надо золотыми буквами записать в своём сердце. Иначе получится абсурд» [4, с. 131].

Мораль, заложенная в этом рассказе, касается не только конкретной бытовой ситуации. Мысль о том, что из всякого правила существуют исключения, имеет отношение ко всем рассказам цикла. Автор не боится сказать маленьким детям о том, что исполнительность не всегда благо, учит их не только следовать нормам поведения, но и думать, учитывать обстоятельства.

Таким образом, рассказы М. Зощенко «Лёля и Минька», объединённые писателем в цикл, связаны не только заглавием, сквозными персонажами, интонацией воспоминания, но и логикой авторского размышления о правилах поведения, серьёзных нравственных уроках, вынесенных «я»-рассказчиком из детства.

Литература:

1. Чуковская Л. В лаборатории редактора [Текст] / Л. Чуковская. – М., 1960. – 310 с.
2. Семёнова Е.А. Циклизация [Текст] // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2003. – 1600 стб.
3. Скаттон, Линда Х. Цикл рассказов «Лёля и Минька». Выделение важнейшего [Текст] // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю.В. Томашевский. – М., 1994. – 368 с. – С. 318-330.
4. Зощенко М.М. Рассказы для детей [Текст] / Предисл. В. Акимова. – М., 2005. – 203 с.
5. Молдавский Д.М. Михаил Зощенко. Очерк творчества [Текст]. – М., 1977. – 278 с.